

ВИЗАНТІЙСКАЯ РОМАНТИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ.

Рѣчь, составленная экстраординарнымъ профессоромъ И. П. Созоновичемъ для произнесенія на торжественномъ актѣ въ Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ 30-го августа 1891 года.

М.м. Гг-ни и М.м. Гг.

Въ нынѣшнемъ году міръ греко-славянскій справлялъ тысячелѣтнюю годовщину смерти великаго Константинопольскаго патріарха Фотія. Съ его личностью, какъ извѣстно, связаны событія, имѣвшія общечеловѣческое значеніе и въ существенныхъ чертахъ опредѣлившія ходъ нашей исторической культуры, а между тѣмъ воспоминаніе о немъ едва коснулось нашего общества, обыкновенно чуткаго ко всѣмъ выдающимся событіямъ жизни ¹⁾).

Такое, повидимому, равнодушное отношеніе къ столь важному историческому событію, тѣсно съ нами связанному, имѣеть, какъ мнѣ кажется, свое основаніе въ общемъ нерасположеніи къ исторіи Византіи, не пользующейся симпатіей въ литературѣ и наукѣ какъ у насъ,

¹⁾ Ко дню тысячелѣтія смерти Патріарха Фотія появились: небольшая замѣтка проф. А. Будиловича, Патріархъ Фотій (891 — 1891) въ Русскомъ Филолог. Вѣстн. 1891, кн. I, посмертное изданіе труда Платонова (Холмогорова), Патріархъ Фотій, М. 1891 и нѣсколько замѣтокъ въ Духовныхъ журналахъ.

такъ и на западѣ. И вотъ сегодня, мм. гг-ни и мм. гг., я позволю себѣ коснуться вопроса, какимъ образомъ выработался подобнаго рода несочувственный взглядъ на исторію Византіи, насколько онъ основателенъ съ научной точки зрѣнія, а затѣмъ остановить Ваше вниманіе на одномъ отдѣлѣ византійской литературы, на поэзіи романтической. При этомъ я буду, конечно, главнымъ образомъ останавливаться на фактахъ литературы, являющейся важнѣйшимъ проявленіемъ духовной жизни византійцевъ.

До самаго послѣдняго времени византійская литература, какъ самостоятельная область знанія, мало привлекала къ себѣ вниманіе ученыхъ; къ ней относились пренебрежительно, да и теперь еще въ громадномъ большинствѣ случаевъ смотрять на нее, какъ на скучное повтореніе того, что было создано гениемъ древнихъ Эллиновъ.

Въ такомъ смыслѣ отзывается о византійской литературѣ и знаменитый эллинистъ Бернгарди¹⁾, и многіе другіе ученые, проникшіеся духомъ классической литературы, блескъ которой закрываетъ для нихъ смыслъ и значеніе литературныхъ произведеній византійскихъ.

Точно такъ же и историки Византіи, начиная съ XVI ст., когда перешедшій въ католицизмъ грекъ Алеманнъ въ угоду римской куріи²⁾ съ особеннымъ усердіемъ принялся развѣнчивать Императора Юстиніана, предпочтительно останавливаются на изображеніи темныхъ сторонъ жизни великой имперіи. Въ такомъ направленіи писали, между прочимъ, знаменитый Montesquieu и гениальный Gibbon, а вслѣдъ за ними и многіе другіе ученые. Съ ихъ точки зрѣнія Византія является олицетвореніемъ бездушнаго бюрократизма, воплощеніемъ придворныхъ интригъ, полной раболовства съ одной стороны и безграничной жестокости съ другой.

Подобный взглядъ на судьбу и роль Византіи выработывался постепенно не только подъ влияніемъ пристрастія, руководившаго учеными, но въ значительной мѣрѣ и въ зависимости отъ того, что въ ней желали видѣть непосредственное продолженіе древне-эллинской культу-

¹⁾ G. Bernhardt, Grundriss der Griechischen Litteratur. 1876^a, стр. 680 и сл.

²⁾ В. Васильевскій, Обзоръ трудовъ по Византійской исторіи, С.-Пб. 1890, стр. 42

ры и забывали, что исторія и литература Византіи являются въ сущности частью средневѣковой исторіи и литературы общеевропейской. Только въ такомъ случаѣ можно надѣяться дать фактамъ византійской жизни надлежащее освѣщеніе, если будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на продуктъ среднихъ вѣковъ и сравнивать ихъ не только съ содержаніемъ классическаго міра, совершившаго полный циклъ своего развитія, но также съ соответствующими періодами средневѣковой европейской исторіи и жизни; тогда факты эти не будутъ блѣднѣть отъ яркаго блеска классической культуры, но займутъ по праву принадлежащее имъ мѣсто среди явленій ново-европейской жизни. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что положеніе Византіи было въ полномъ смыслѣ слова исключительнымъ, такъ какъ во все время своего долгаго существованія ей пришлось бороться то съ храбрыми и сильными народами сѣвера и запада, то съ фанатизованными мусульманствомъ племенами востока, отстраняя отъ себя со всѣхъ сторонъ наступавшее на нее темными тучами варварство. На эту борьбу ей понадобилось истратить немало силъ матеріальныхъ и нравственныхъ, а своей культурной дѣятельности по необходимости придать характеръ экстенсивный.

Такое положеніе въ связи съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ элементовъ какъ племенныхъ, такъ и культурныхъ, приходившихъ въ столкновеніе на почвѣ Византіи, обусловило, быть можетъ, и тѣ нравственные недостатки, къ которымъ такъ строго относится ученая критика, но оно же въ соответственной мѣрѣ (если быть справедливымъ) усиливаетъ и тѣ положительныя качества, благодаря которымъ Византія пережила западную Римскую Имперію на цѣлую тысячу лѣтъ. „При однихъ отрицательныхъ качествахъ, какъ справедливо замѣчаетъ Рамбо ¹⁾, невозможно вѣдь былобы бороться тысячу лѣтъ противъ всемірнаго варварства и выдержать множество разрушительныхъ нашествій“, такъ какъ почти всѣ народы, вышедшіе на сцену исторіи въ теченіе среднихъ вѣковъ, такъ или иначе стремились овладѣть наслѣдіемъ богатой Византіи, и ей пришлось защищаться, начиная съ IV вплоть до XV ст.

Въ этотъ промежутокъ времени много разъ стояла Византія на краю гибели, подъ давленіемъ невѣроятныхъ бѣдствій цѣлыя столѣтія

¹⁾ А. Rambaud, *L'Empire grec au X-ème siècle*, Paris, 1870, стр. IV.

проходили безъ замѣтнаго движенія жизни, казалось, будто все въ имперіи замерло, и вотъ-вотъ она прекратитъ свое существованіе, но потомъ вдругъ, подобно сказочному фениксу, возрождалась снова, жизнь закипала въ пей свѣжей струей, и міръ наполнялся славой ея великихъ представителей, или такихъ, какъ Велизарій, Гераклій, Константинъ Погонатъ, Левъ Исавріяннинъ, Цимисхій, Никифоръ Фока, Василій I и Василій II, Іоаннъ Комнень, сынъ его Эммануиль Комнень и др., высоко поднимавшіе военное могущество имперіи, или такихъ, какъ Юстиніанъ, Прокопій, Романъ пѣснопѣвецъ, патр. Фотій, Кириллъ и Меѳодій, Константинъ Порфирородный, Михаилъ Пселлъ, Анна Комнена, Кантакузены и многіе другіе, таланты которыхъ развились на почвѣ византійской культуры и принесли несомнѣнную и огромную пользу позднѣйшему европейскому просвѣщенію.

Во весь долгій средневѣковый періодъ греческой жизни, который обыкновенно начинается 529 годомъ, когда имп. Юстиніанъ, желая нанести окончательный ударъ языческой эллинской наукѣ, закрылъ знаменитый въ свое время аѳинскій университетъ, и кончается 1453 годомъ, когда мусульманскій полужьсаецъ былъ водруженъ на св. Софіи, за все это время центромъ политической, литературной и культурной жизни имперіи былъ Константинополь, древняя Византія, получившая въ старой славянской письменности знаменательное названіе Царь-града.

И дѣйствительно это былъ Царь-городъ въ полномъ смыслѣ этого слова, въ его стѣнахъ жизнь шла бурной и широкой волной, отражая черты утонченной эллинской цивилизациі, тогда какъ во всей Европѣ господствовали варварство, грубость и невѣжество. Взоры всѣхъ народовъ, начинавшихъ исторію средневѣковой Европы, были устремлены на берега Босфора, и имя Константинополя было общезвѣстнымъ и нашло мѣсто въ первыхъ памятникахъ всѣхъ національныхъ литературъ, какъ, напр., во французскихъ эпическихъ поэмахъ про Карла Великаго, или германскихъ сказаніяхъ про Дитриховъ, или русскихъ богатырскихъ былинахъ, не разъ направлявшихъ своихъ витязей къ стѣнамъ Царя-града. Здѣсь было чтó посмотреть, было чему поучиться и было чѣмъ поживиться! Здѣсь можно было видѣть чудныя произведенія архитектуры и живописи, неизвѣстныя еще Западной Европѣ; здѣсь процвѣтали науки и развивалась новая, христіанская поэзія; здѣсь собирались несмѣтные богатства востока и запада, способствовавшія развитію утонченнаго

вкуса и изысканныхъ удовольствій. И страны европейскія, и страны азіатскія,—однѣ болѣе, другія менѣе,—весьма многими чертами своей цивилизаціи, несомнѣнно, обязаны византійской культурѣ, но къ сожалѣнію фактъ этотъ во всемъ своемъ объемѣ до сихъ поръ не разработанъ еще съ достаточной полнотой и безпристрастіемъ.

Не говоря уже объ общезвѣстной зависимости славянскихъ культуръ отъ византійской, слѣдуетъ упомянуть, что и арабы, хотя и кратко-временной, но блестящей славой своей литературы, науки и искусства въ значительной степени обязаны Византіи, откуда весьма многое заимствовали и персы, и армяне, и турки. Точно такъ же и западная Европа, хотя питалась главнымъ образомъ продуктами римской культуры, подвергалась многоразличнымъ воздѣйствіямъ со стороны византійскаго просвѣщенія. Византійскіе мастера распространили сперва въ Италіи, а затѣмъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ производство шелковыхъ матерій, парчи, ковровъ, обработку золота и драгоценныхъ камней, изъ Византіи же заимствованы и органъ, звуки котораго до сихъ поръ раздаются въ западной церкви. Христіанская архитектура и искусство перешли на западъ изъ Византіи, они отразились въ многочисленныхъ средневѣковыхъ памятникахъ этого рода въ Европѣ и между прочимъ легли неизгладимыми чертами на великолѣпномъ соборѣ св. Марка; точно также и при постройкѣ Базилики св. Павла въ Римѣ въ XI ст. участвовали византійскіе мастера¹⁾, написавшіе на вратахъ имена ветхозавѣтныхъ пророковъ греческими буквами. Лучшее созданіе византійскаго поэтическаго генія—церковная лирика цѣликомъ перенималась западной церковью²⁾, и еще въ XI ст. въ храмѣ св. Петра въ Римѣ пѣлись греческіе псалмы, греческій языкъ употреблялся при литургіи на ряду съ латинскимъ, а въ позднѣйшее время, послѣ раздѣленія церквей, византійская форма и содержаніе удержались во многихъ западныхъ церковныхъ пѣсняхъ³⁾. Чрезвычайно богатая византійская историографія не преминула оказать воздѣйствіе на латинскую аннали-

¹⁾ Ch. Gidel, *Nouvelles études sur la littérature grecque moderne*. Paris, 1878, стр. 227.

²⁾ A. Ebert, *Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalters im Abendlande*. Leipzig. 1874, стр. 167.

³⁾ K. Krumbacher, *Geschichte der Byzantinischen Litteratur*. München. 1891, стр. 326.

стику, а литература поэтическая въ разные періоды успѣла пустить въ оборотъ на западъ множество сюжетовъ, сдѣлавшихся затѣмъ достояніемъ общеевропейской поэзіи. Изъ числа такихъ наиболѣе популярныхъ произведеній, перешедшихъ на западъ раньше другихъ, я укажу на сказаніе про Соломона и Китовраса, повѣсть про Аполлонія Тирскаго, сказаніе о Варлаамѣ и Юсафатѣ и другія восточныя произведенія, какъ Синдибадъ, Стефанитъ и Ихнилать, множество житій святыхъ, а также легенды, составлявшихъ существенную часть средневѣковой повѣствовательной литературы. Оттуда же неуловимыми путями разливался по всей Европѣ богатый запасъ всевозможныхъ сказокъ, пѣсенъ, пословиць, заговоровъ и тому подобныхъ народныхъ произведеній.

Нѣсколько позднѣе, въ періодъ крестовыхъ походовъ, когда нервное возбужденіе на почвѣ религіознаго энтузіазма охватываетъ европейскія страны, непосредственное сближеніе запада съ востокомъ усиливается и приводитъ въ смѣшеніе самыя разнородныя этнографическія и культурныя элементы. Въ это время литература византійская не только надбляетъ своихъ западныхъ сосѣдей своими произведеніями, но также многое заимствуетъ отъ нихъ изъ области рыцарской романтической поэзіи, доказывая тѣмъ свою жизненность и энергію. Въ такомъ взаимодействіи западныхъ литературъ, преимущественно французской и итальянской, съ византійской проходятъ XII, XIII и XIV ст., а въ XV в. ученые византійцы играютъ первенствующую роль въ научно-литературномъ движеніи, опредѣлившемъ эпоху такъ называемаго Возрожденія. Первые итальянскіе гуманисты, какъ Гварино, Джакомо да-Скарпарія, Ауриспа, Франческо Филельфо, въ самой Византіи искали источниковъ знанія, а изъ византійскихъ ученыхъ непосредственно оказали воздѣйствіе на европейское просвѣщеніе такія знаменитыя личности, какъ неоплатоникъ Георгій Гемистъ Плевонъ, Эммануэль Хризолоръ, Виссаріонъ, Іоаннъ Аргиропуло, Феодоръ Гази, Георгій Трапезунтскій, Константинъ Ласкарисъ и множество другихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ дѣятелей науки, искавшихъ въ Европѣ убѣжища отъ турецкаго погрома¹⁾.

Такимъ образомъ оказывается, что во все время своего долгаго существованія Византія такъ или иначе вліяла на западноевропейское

¹⁾ Фойгтъ, Возрожденіе классической древности, или первый вѣкъ гуманизма, М. 1884, т. 1-й и 2-й.

просвѣщеніе и культуру, а потому вовсе не заслуживаетъ того невниманія, съ какимъ къ ней обыкновенно относились, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени.

Предпославъ эти общія замѣчанія касательно значенія византійской культуры для западноевропейскаго просвѣщенія, я останавлиюсь въ самыхъ краткихъ чертахъ на поэзіи романтической. Выборъ этотъ сдѣланъ мною на томъ основаніи, что памятники этого рода получили извѣстность лишь въ недавнее время, сохранившись по большей части въ рукописяхъ. Помимо новизны они интересны еще и тѣмъ, что восполняютъ собою важные пробѣлы въ исторіи византійской литературы, связываютъ ее живыми узами съ западноевропейской и свидѣтельствуютъ о непрерывности жизненнаго процесса въ Византіи, на которую привыкли смотрѣть, какъ на дряхлое тѣло, поддерживавшее свое жалкое существованіе лишь припоминаніями и повтореніями изъ давно минувшаго прошлаго.

Жизненность духовнаго творчества, сказывающаяся въ названныхъ произведеніяхъ, проявляется не только въ содержаніи, но также и въ языкѣ ихъ; они оказываются первыми памятниками средневѣковаго народно-греческаго языка, первыми важными образцами живой народной рѣчи, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій отклонявшейся отъ закрѣпленныхъ письменностью классическихъ формъ и приближавшейся путемъ естественнаго развитія къ современному ново-греческому говору¹⁾.

Въ силу этого романтическая византійская поэзія является любопытнымъ предметомъ изслѣдованія какъ для филолога, слѣдящаго за законами развитія языка, такъ и для историка литературы, опредѣляющаго условія поэтическаго творчества.

Уже раньше я указалъ на поразительную крѣпость государственнаго организма Византіи. Такой политической живучести ея въ полной мѣрѣ соответствуетъ устойчивость во всѣхъ другихъ областяхъ общественной и духовной дѣятельности, какъ учрежденія административныя, какъ обычаи и вѣрованія народныя или какъ литературныя формы и тра-

¹⁾ Jean Psichari, *Essais de grammaire historique Néo-grecque*, Paris, 1886, т. I-й, стр. 163 и сл., т. II-й, 1889. G. Hatzidakis, *Zur Geschichte des mittel-und neugrichischen* въ Kuhn's *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1889, Heft I, стр. 124 и сл.

дядіи. И замѣчательно, что та же черта устойчивости характеризуетъ даже литературный языкъ византійскій, т. е. средневѣковъй греческій, который, вообще говоря, не подвергся такому всестороннему измѣненію и такой коренной переработкѣ, какъ языки, напр., германскіе, славянскіе или романскіе. Конечно, не недостатокъ творчества обусловилъ подобную неподвижность языка, но главнымъ образомъ то обстоятельство, что византійскіе писатели унаслѣдовали отъ вѣковъ предшествующихъ въ высшей степени развитой органъ для выраженія мыслей, всесторонне выработанный языкъ классическій. Къ нему они относились съ благоговѣніемъ, на него смотрѣли, какъ на языкъ священный, возвышенный, который слѣдуетъ оберегать въ силу его преимущественной нормальности и годности для высшихъ литературныхъ цѣлей, тогда какъ живой народный говоръ годился лишь для домашняго обихода. Но такой консерватизмъ въ языкѣ не составляетъ особенности, присущей лишь византійцамъ: съ аналогичнымъ явленіемъ мы встрѣчаемся въ Италиі, гдѣ языкъ Цицерона и Виргилія на долгое время затормозилъ свободное развитіе живого говора, который не скоро бы еще поднялся на степень литературнаго языка, если бы этому не помогло счастливое появленіе такихъ талантовъ, какъ Данте, Петрарка и Боккаччо.

Въ Византіи, къ сожалѣнію, не было своего Данте, и живой народный языкъ до XIII ст. игралъ тамъ вполнѣ незначительную роль въ поэтическомъ творствѣ. Лишь въ этомъ столѣтіи онъ дѣлается органомъ для созданія болѣе или менѣе обширныхъ произведеній, навѣянныхъ новыми явленіями жизни. Такими первыми, можно сказать, памятниками новаго творчества были поэмы романтическаго содержанія, сливаюціяся съ широкимъ и грандіознымъ теченіемъ западно-европейскаго поэтическаго творчества¹⁾.

Если справедливо утвержденіе, что поэзія во все времена служитъ наилучшимъ выраженіемъ основныхъ направленій жизни, что въ ней съ наибольшею яркостью отражаются идеальныя стремленія даннаго общества, то для среднихъ вѣковъ она, быть можетъ, оказывается единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно познакомиться съ тѣми идеями и интересами, какими жило тогдашнее общество, съ его радостями и горемъ, съ его забавами и занятіями, однимъ словомъ — съ внутренними

¹⁾ Krumbacher, op. cit. стр. 391.

движущими силами общественной жизни. Вся духовная сумятица, характеризующая средние вѣка, крайнее смѣшеніе понятій и наивысшее броженіе силъ, имъ присущія, все это находятъ свое отраженіе въ средневѣковой поэзіи, создавшей множество причудливыхъ сюжетовъ, по временамъ чарующихъ насъ своею прелестью.

Но изъ всего богатства средневѣковой литературы однимъ изъ крупнѣйшихъ явленій не безъ основанія признается область романтики; ей принадлежатъ самыя блестящія созданія средневѣковой фантазіи, собравшей здѣсь въ одну общую картину и сказанія мѣстныя, кельтско-германскія, и вымыслы восточные, и отзвуки классическихъ преданій на общемъ фонѣ христіанско-рыцарскаго пониманія жизни.

Будучи наиболѣе характерными произведеніями средневѣковаго творчества, романтическія поэмы дали выраженіе самымъ высшимъ и самымъ популярнымъ идеаламъ рыцарства, въ силу чего онѣ въ свое время играли ту же роль, какая досталась въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ на долю французскаго романа, унаслѣдовавшаго и свое названіе отъ этихъ romans d'aventures.

Въ нихъ искали не только пріятнаго чтенія, но также идеальныхъ типовъ, какъ ихъ представляло себѣ тогдашнее общество, изъ нихъ усваивали рыцари извѣстныя понятія о чести и доблести и на нихъ воспитывали свою страсть къ похождениямъ и жажду къ галантнымъ приключеніямъ съ дамами.

„Le donne, i cavalier, l'arme, gli amori,
Le cortesie, l'audaci imprese io canto. . . .¹⁾”

какъ говоритъ Аріосто въ своемъ „Неистовомъ Орландѣ“,—вотъ существенное содержаніе всѣхъ этихъ поэмъ. Въ основѣ ихъ лежало, конечно, чувство любви, оно являлось движущей силой разсказа, наполняемаго обыкновенно трогательными картинами то торжествующей, то преслѣдуемой „нѣжной страсти“. Одинъ за другимъ проходятъ предъ нами влюбленные благородные рыцари; они страпствуютъ по свѣту, отыскивая царицу своего сердца, и по пути совершаютъ изумительные подвиги храбрости, то оказывая защиту слабымъ, то добываясь лишь улыбки первой красавицы.

¹⁾ Ariosto Orlando Furioso, Canto Primo, v. 1—2.

Въ данномъ случаѣ признаніе повелительнаго чувства любви, увлекавшаго героя на путь славы и нравственнаго совершенства, опредѣляло собою извѣстный общественный прогрессъ и особенно для женщинъ служило признакомъ развивавшейся свободы личности, на которой тяготѣли вѣковое рабство обычая и строгая мораль аскетической литературы¹⁾.

Такимъ образомъ, рыцарскіе романы касались отчасти жизненныхъ вопросовъ времени, а отчасти уносили фантазію читателя въ область идеальныхъ стремленій, искавшихъ возвышенной славы и самоотверженной любви. Своимъ утонченнымъ анализомъ чувствъ, своимъ хотя и вычурнымъ, но проникнутымъ страстью краснорѣчіемъ романы эти въ скоромъ времени послѣ своего появленія затмили собою все другіе роды поэзіи и сдѣлались настолько популярными, что незнакомство съ ними считалось признакомъ необразованности. Будучи чуднымъ созданіемъ французскаго генія, они послужили образцомъ для новой, неизвѣстной раньше поэзіи, а потому и неудивительно, что имъ удалось найти многочисленныхъ подражателей въ Германіи, Англій, Италіи, Испаніи, отчасти въ славянскихъ странахъ²⁾ и наконецъ—въ Византіи.

Ближайшее знакомство послѣдней съ рыцарскою романтикой произошло однако при обстоятельствахъ крайне печальныхъ. Въ 1204 г. крестоносцы, соблазнившись богатой добычей, взяли Константинополь и расправились съ этимъ царственнымъ городомъ хуже, чѣмъ это было впоследствии исполнено турками. Въ этотъ моментъ отъ руки европейцевъ погибло наибольшее количество памятниковъ искусства изъ временъ Константина и Юстиніана: дворцы были разрушены, несметныя богатства похищены, древнія скульптурныя произведенія или разбиты, или переплавлены на деньги, драгоценныя рукописи сожжены, такъ какъ рыцари, называвшіе ученыхъ византійцевъ „толпою писцовъ“, не питали особенной склонности къ твореніямъ классической мудрости³⁾.

¹⁾ П. Дашкевичъ, Романтика Круглаго стола въ литературахъ и жизни Запада. Кіевъ, 1896, стр. 29 и сл.

²⁾ А. Н. Веселовскій, Изъ исторіи романа и повѣсти, С.-Пб., 1888, т. II, Славяно-романскій отдѣлъ.

³⁾ Ф. Успенскій, Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ. С.-Пб., 1874, стр. 82 и сл.

Заявъ Восточную Имперію, они раздѣлили ея земли по системѣ западно-европейскаго феодальнаго права и такимъ образомъ прожили лицомъ къ лицу съ византійцами болѣе пятидесяти лѣтъ. Въ свои новыя владѣнія они принесли съ собою весь строй западной жизни, свои собственные моды и литературные вкусы. Велѣдъ за счастливыми завоевателями на востокъ многочисленные труверы, министрели и жонглеры, представители западноевропейскаго поэтическаго творчества, съ которыми теперь волей-неволей пришлось знакомиться побѣжденнымъ грекамъ.

Но въ свою очередь и сила византійской культуры, несмотря на полный разгромъ имперіи, давала себя чувствовать: богатые феодалы, понастроивъ себѣ укрѣпленные замки, предаваясь въ нихъ всѣмъ забавамъ и удовольствіямъ, какими развлекались на родинѣ, какъ охота, балы, турниры, всевозможныя празднества съ поэтическими состязаніями труверовъ и министрелей, вскорѣ усвоили языкъ побѣжденныхъ грековъ, а эти послѣдніе въ высшихъ слояхъ своихъ, конечно, не только заговорили по-французски, но начали перенимать и западные модные вкусы. Изъ смѣси франковъ съ греками образовался даже особый классъ византійскаго общества, такъ называемые Гемулы или Пулены, страстные любители турнировъ и всевозможныхъ торжествъ, которыя продолжались иногда по цѣлымъ недѣлямъ ¹⁾).

Благодаря такому общенію съ европейцами, живой византійскій говоръ усваиваетъ множество франко-итальянскихъ словъ и въ первый разъ въ значительной степени отъснѣяетъ на задній планъ мертвый литературный языкъ, становясь средствомъ для выраженія новыхъ идей и для обработки модныхъ литературныхъ сюжетовъ.

Изъ такихъ сюжетовъ усвоены были на востокъ преданія о Роландѣ, національномъ французскомъ героѣ, рассказы про короля Артура и его паладиновъ, повѣсть про царевича провансальскаго Иберія и прекрасную Маргарону и нѣкоторыя другія западныя произведенія.

Но главнымъ образомъ западная поэзія вліяла на византійскую не содержаніемъ, а своимъ духомъ, своими идеями и отчасти своей техникой. Приемы рыцарской поэзіи, новыя общественныя вѣянія, ея про-

¹⁾ Ch. Gidel, *Études sur la littérature grecque moderne*, Paris, 1866, стр. 47 и сл.

видимыя, особое пониманіе и изображеніе чувства любви въ рыцарскихъ романахъ, все это было теперь перенесено на византійскую почву и получило здѣсь дальнѣйшую разработку, осложнившись мѣстными литературными сюжетами и традиціями, какъ это наблюдается въ романахъ „Либистръ и Родамна“, „Бельтадръ и Хризанца“, „Каллимахъ и Хризорроа“ и тому подобныя.

Въ свою очередь византійская романтическая литература не только восприняла черты западно-рыцарской поэзіи, но и со своей стороны оказала вліяніе на европейскую литературу и вызвала цѣлый рядъ переводовъ и подражаній на западѣ. Въ числѣ такихъ византійскихъ сюжетовъ можно назвать романы объ Иракліѣ, объ Атисѣ и Профилаѣ, повѣсть про Флора и Бланшфлору и нѣкоторые другіе рассказы, греческіе тексты которыхъ до насъ не дошли или еще не отысканы¹⁾.

Въ первомъ изъ нихъ повѣствуется о походе нѣжнѣйшаго удивительнаго мальчика, по имени Ираклія, надѣленнаго тремя рѣдкими способностями: умѣньемъ распознавать коней, оцѣнивать драгоценныя камни и понимать женщинъ; во второмъ — рассказывается о трогательной дружбѣ двухъ молодыхъ людей, доходящей до того, что одинъ изъ нихъ, чтобы спасти жизнь другому, изнывавшаго отъ неудовлетворенной любви, уступаетъ ему свою жену съ перваго же дня брака, за что второй въ послѣдствіи готовъ принять на себя вину перваго и подвергнуться смертной казни; третій романъ, о Флорѣ и Бланшфлорѣ, основанъ на нѣжной любви сарацинскаго принца къ плѣнной христіанкѣ; любовь ихъ преодолеваетъ всевозможныя препятствія, заставляетъ героя странствовать по свѣту въ поискахъ за своей возлюбленной, которую онъ наконецъ отыскиваетъ проданную въ рабство какому-то султану, приказавшему посадить ее въ башню и вѣрно оберегать. Юноша проникаетъ къ своей возлюбленной въ башню, скрытый въ корзину цвѣтовъ, но къ сожалѣнію засыпаетъ въ ея объятіяхъ, и такимъ образомъ тайна ихъ открывается и ихъ приговариваютъ къ смерти чрезъ сожженіе. Но сила ихъ любви трогаетъ султана, онъ ихъ прощаетъ, и они счастливо возвращаются на родину.

¹⁾ G. Paris, *La littérature française au Moyen-âge*. Paris, 1888, стр. 81 и сл.; W. Wackernagel, *Geschichte der deutschen Litteratur*. Basel, 1879, стр. 231 и сл.

Нерѣдко чисто сказочные сюжеты дѣлаются предметомъ обработки въ византійскихъ романтическихъ поэмахъ, и отсюда, какъ думаютъ, перешелъ между прочимъ во все западныя литературы извѣстный рассказъ о преслѣдуемой царевнѣ, которая, желая избѣжать преступной любви своего отца, отрубаетъ себѣ руку, испытываетъ чудесное исцѣленіе, выходитъ за мужъ за иноземнаго царя, но встрѣчаетъ тутъ гоненія со стороны свекрови, обманомъ достигающей того, что царицу бросаютъ съ дѣтьми въ море или же оставляютъ въ глухомъ лѣсу. Въ концѣ однако невинность торжествуетъ, и царица благополучно возвращается въ свой домъ¹⁾.

По большей части все такія произведенія отличаются излишней реальностью, напоминающей откровенныя повеллы Боккаччо и дѣлающей ихъ поэтому неудобными для публичнаго изложенія, и мнѣ приходится оставить въ сторонѣ ихъ содержаніе, не играющее впрочемъ первенствующей роли.

Главнымъ образомъ историческое значеніе византійской романтики вытекаетъ изъ того обстоятельства, что ею впервые смѣло и плодотворно порывается связь съ традиціями древности и тѣмъ указывается новый путь для литературы. Оставляя мало-по-малу ложное направленіе, котораго такъ долго держалась, эта послѣдняя начинаетъ, по примѣру романтики, пользоваться живымъ народнымъ языкомъ, единственно пригоднымъ для выраженія стремленій и чувствъ позднѣйшихъ грековъ, и становится такимъ образомъ національной.

Если-бы не произошло такого разрыва съ прошлымъ, если-бы литература продолжала оставаться школьной, недоступной народу, если-бы она не замѣнила, быть можетъ и грандіознаго, но окаменѣвшаго наряда классическаго простыми народными одеждами, она погибла бы вмѣстѣ съ имперіей подъ ударами турокъ²⁾.

Вмѣсто того національно-поэтическая волна, начавшись съ романтики, съ теченіемъ времени расходится все шире и настойчивѣе и сливается съ могучимъ потокомъ безыскусственно-народнаго творчества; по-

¹⁾ „*La Manekine*“ въ *Oeuvres poétiques de Philippe de Remi Sire de Beaumanoire*, p. par H. Suchier. Paris, 1884, t. I, p. XXIII—XCVI.

²⁾ S. Lambros, *Collection de romans grecs en langue vulgaire et en vers*. Paris, 1880, стр. IV и сл.

эзія льется теперь изъ глубины народнаго сердца, повѣствуя то о житейскихъ радостяхъ и печаляхъ, то о кровавыхъ битвахъ съ турками, пожившими конецъ существованію Византійской имперіи. Мало-по-малу византіецъ превращается въ новогрека, въ этомъ процессѣ проходятъ цѣлыя столѣтія незамѣтной культурной работы, и въ результатъ возникаетъ молодая, здоровая, исполненная великихъ надеждъ въ будущемъ, ново-греческая литература. Желая восполнить пробѣлы столѣтій, прошедшихъ въ тяжелой турецкой неволѣ, она стремится передать на своемъ языкѣ все важнѣйшія произведенія изящной и научной литературы западно-европейской¹⁾ и пробудить въ молодомъ греческомъ обществѣ энтузіазмъ къ родной поэзіи. Пройдетъ еще десятка два—три лѣтъ, и на ново-греческомъ языкѣ можно будетъ найти все, что создано гениемъ новыхъ народовъ въ области науки и поэзіи; тогда пытливый умъ новогрековъ и страстное стремленіе ихъ къ ученію найдутъ полное удовлетвореніе на родномъ языкѣ, изъ среды народа появятся оригинальные и самобытные таланты, которымъ, несомнѣнно, удастся поднять свою націю въ уровень европейской культуры и просвѣщенія.

Энергія новогрековъ въ стремленіи къ просвѣщенію настолько велика, что уже въ наше время находятся люди, предсказывающіе міровое значеніе греческому языку, какъ дѣлаетъ это Aug. Boltz въ книгѣ „Hellenisch, die allgemeine Gelehrtensprache der Zukunft“ (Leipzig, 1888). Будетъ ли это такъ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ первый серьезный шагъ по пути ново-греческой литературы принадлежитъ византійской романтикѣ.

¹⁾ А. Rangabé u. D. Sanders, Geschichte der Neugrichischen Litteratur, Leipzig.